

V. Документы

Владимир Кантор

На взгляд изгнанника

(письмо Ф. Степуна Г. Риккертту 1932 г.)

Эмигрант – это, как правило человек междумирья. Он поневоле живет в положении постоянного сравнения отечественной культуры и той, которая приютила его. Причем трудность его ситуации тем больше, когда он не добровольный эмигрант, а изгнанник. Возможно, такая жизнь в позиции „находимости-внеаходимости”, которая характерна всегда для великих художников¹, обостряла остроту зрения и мысли у людей, попавших в чужой мир и вынужденных к тому же полагаться только на себя. Остроту как по отношению к покинутой Родине, так и по отношению к стране-приюту. Это, кстати, объясняет повышенный сегодняшний интерес к духовным открытиям русской эмиграции. И не только к опубликованным ими в эмиграции текстам, но и к дневникам и переписке. Действительно, порой оценка общественной и духовной ситуации, звучащая в переписке, дает историку мысли весьма много поводов для размышлений и понимания.

Конечно, определение „чужой мир” не вполне подходит для русских писателей и мыслителей, изгнанных большевиками в 1922 г. за рубеж, в Западную Европу. Практически все они раньше бывали в Европе, свободно владели европейскими языками, имели старые связи и контакты, не говоря уж о том, что Запад поначалу весьма приветливо отнесся к непривычным изгнанникам, высланным в большом составе за образ мыслей. Конечно, такое в истории

---

¹ Не могу здесь не согласиться с весьма точным наблюдением Николая Вильмонта: „Вторжение инородного начала (расового или культурно-сословного) обычно только и делает большого человека полновластным хозяином национальной культуры. Тому первый пример - Пушкин, потомок „арапа Петра Великого” и правнук Христины фон Шеберх...” (*Вильмонт Н. О Борисе Пастернаке. Воспоминания и мысли. М.: Советский писатель, 1989. С. 49.*).

уже бывало. Но серьезность намерений большевиков прозвучала для Запада в этой сравнительно мягкой акции новой власти России весьма отчетливо. Не надо также забывать, что Германия, куда поначалу попали все изгнанники, переживала времена нелегкие. Бердяев вспоминал: „Начиналась новая эпоха жизни. По приезде в Берлин нас очень любезно встретили немецкие организации и помогли нам на первое время устроиться. Представители русской эмиграции нас не встретили. Я всегда любил Западную Европу, с самого детства часто ездил за границу, хотя меня всегда отталкивала западная буржуазность. Я ходил по Берлину с очень острым чувством контраста разных миров. Я не испытывал подавленности от изгнания, но у меня все время была тоска по России. Германия в то время была очень несчастной. Берлин был наполнен инвалидами войны. Марка катастрофически падала. Немцы говорили: „Deutschland ist verloren“². Мне пришлось в моей жизни видеть крушение целых миров и рождение новых миров. Я видел необычайные трансформации людей, первые делались последними, последние делались первыми”³. Быть может, увереннее прочих чувствовал себя Федор Степун, немец по рождению, несколько лет проучившийся в Хайдельбергском университете⁴, имевший немало немецких друзей, коллег и хорошо помнивших талантливое студента немецких профессоров, которые охотно возобновили с ним общение. Почти сразу же (1924 г.) он посетил и Хайдельберг⁵, и Фрайбург, даже написал об этом статью „Два Гейдельберга”. К немецкой теме мы еще вернемся. Она в каком-то смысле центральный мотив этой публикации. Но необходимо еще сказать несколько слов о причинах высылки русских философов, в том числе и Степуна, и удивиться прозорливости чекистов.

---

² Германия потеряна (нем.).

³ Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Книга, 1991. С. 246.

⁴ 1902-1909, с перерывом в один год. В 1910 г. на кафедре Вильгельма Виндельбанда он защитил диссертацию о философии Вл. Соловьева, а в 1910-14 гг. вместе с Р. Кронером, Г. Мелисом, Э. Метнером, Б. Яковенко и С. Гессеном издавал знаменитый международный журнал „Логос”.

⁵ Я пользуюсь написанием „Хайдельберг” вместо привычного „Гейдельберг” в расчете на то, что это вполне возможно в русском языке – вернуться к естественному звучанию. Так поначалу русские философы писали и произносили „Гейдеггер”, что не помешало сегодня вернуться к естественному „Хайдеггер”. А проработав несколько месяцев в архивах университета в этом городе, ежедневно слыша и произнося это слово в нормальной огласовке „Хайдельберг”, я просто не могу себя заставить писать по-иному.

* * *

В мае 1922 г. в Уголовный кодекс по предложению Ленина вносится положение о „высылке за границу”. В 2003 г. в журнале „Отечественные архивы” (№ 1. С. 65-96) была подготовлена подборка материалов, из которой видно, насколько тщательно Политбюро и ВЧК готовили систему высылки и подбирали имена высылаемых, давая на каждого подробную характеристику. Так в „Постановлении Политбюро ЦК РКП(б) об утверждении списка высылаемых из России интеллигентов” от 10 августа 1922 г. Степун, попавший в дополнительный список, характеризовался следующим образом: „7. Степун Федор Августович. Философ, мистически и эсеровски настроенный. В дни керенщины был нашим ярым, активным врагом, работая в газете правых с[оциалистов]-р[еволюционеров] „Воля народа“. Керенский это отличал и сделал его своим политическим секретарем. Сейчас живет под Москвой в трудовой интеллигентской коммуне. За границей он чувствовал бы себя очень хорошо и в среде нашей эмиграции может оказаться очень вредным. Идеологически связан с Яковенко и Гессеном, бежавшими за границу, с которыми в свое время издавал „Логос“. Сотрудник издательства „Берег“. Характеристика дана литературной комиссией. Тов. Середа за высылку. Тт. Богданов и Семашко против”⁶. Замечательно понято, что в эмиграции он может оказаться серьезным противником. А чуть позже (23 августа) он оказался восьмым номером в „Списке не арестованных”⁷. Это выглядит еще более страшным, чем список арестованных. Человек живет, ходит, думает, а его дни уже расчислены. Ситуация трагического черного юмора тоталитарной эпохи. Как у Высоцкого: „Но свыше – с вышек – все предрешено: / Там у стрелков мы дергались в прицеле - / Умора просто, до чего смешно” („Был побег *на рывок*”). Существенно отметить, что высылаемые страстно не хотели покидать Родину. По недавно опубликованным архивам ВЧК можно увидеть их однозначно негативное отношение к эмиграции.

Итак, из протокола допроса Ф.А. Степуна от 22 сентября 1922 г.: „К эмиграции отношусь отрицательно. И большая жена мне жена, но французу-доктору, который ее лечит, она никогда не жена. Эмиграция, не пережившая ре-

⁶ „Очистим Россию надолго“. К истории высылки интеллигенции в 1922 г. Публикацию подготовил А.Н. Артизов // Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 74.

⁷ Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921-1923 / Вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова. М.: Русский путь, 2005. С. 110.

волюцию дома, лишила себя возможности действенного участия в воссоздании духовной России”⁸. Можно сослаться и на более поздние свидетельства, например, Бердяева: „Высылалась за границу целая группа писателей, ученых, общественных деятелей, которых признали безнадежными в смысле обращения в коммунистическую веру. Это была очень странная мера, которая потом уже не повторялась. Я был выслан из своей родины не по политическим, а по идеологическим причинам. Когда мне сказали, что меня высылают, у меня сделалась тоска. Я не хотел эмигрировать, и у меня было отталкивание от эмиграции, с которой я не хотел слиться. Но вместе с тем было чувство, что я попаду в более свободный мир и смогу дышать более свободным воздухом. Я не думал, что изгнание мое продлится 25 лет”⁹. Здесь очень точно указано, что дело было не в политических причинах, а в идеологических. Большевики словно бы испугались на какой-то момент чуждых идей, еще сохраняя иллюзию, что сами победили силой идеи, хотя опирались на самом деле не только на идею, а на разбуженные ими первобытные инстинкты масс, на разрешение „грабить награбленное”.

Вернемся, однако, к оценке чекистами „идеологического облика” Степуна. Заключение СО ГПУ в отношении Ф.А. Степуна от 30 сентября 1922 г.: „С момента октябрьского переворота и до настоящего времени он не только не примирился с существующей в России в течение 5 лет Рабоче-Крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности в моменты внешних затруднений для РСФСР”¹⁰.

Интересно здесь, что сами чекисты называют Октябрьскую революцию „октябрьским переворотом”, но еще интереснее, как этот текст совпадает с доносом на Степуна в нацистской Германии. Как и большевики, нацисты терпели его ровно 5 лет своего режима, пока не увидели, что перековки в сознании профессора Степуна не происходит. В доносе 1937 г. говорилось, что он должен был быть отправлен на пенсию „на основании параграфов 4-го или 6-го закона 1933 г. о восстановлении профессионального чиновничества. Это, однако, не было исполнено, поскольку, прежде всего, следовало подождать, как профессор Степун определится по отношению к национал-социалистическому государству и построит свою деятельность. Но Степун с тех пор не предпринял никакого серьезного усилия по позитивному отношению к национал социализму. Степун многократно в своих лекциях отрицал взгляды

---

⁸ Там же. С. 337.

⁹ Бердяев Н.А. Самопознание. С. 241.

¹⁰ Высылка вместо расстрела. С. 338.

национал-социализма прежде всего по отношению к целостности национал-социалистической идеи, как и к значению расового вопроса, точно также и по отношению к еврейскому вопросу и, в частности, значению этого вопроса для критики большевизма”¹¹.

* * *

Но, прежде чем им занялись нацисты, он сам вполне определенно отнесся к нацизму и к Германии. Конечно, сначала он не думал еще о наступавшем на Германию новом движении, которое многие сравнивали с большевизмом, а многие видели в нем защиту от „советизации” немецкого государства, немецкую реакцию на большевистский опыт, как писал, например, в своей провокативной книге Эрнст Нольте¹². Я, скорее, согласен с современным немецким историком Леонидом Люксом, который показывает уникальность каждого явления (при общем безумии „эпохи движения масс”): „Чтобы именно в Германии, крупнейшей индустриальной державе Европы, могла придти к власти НСДАП, движение, отвергавшее модернизацию и мечтавшую об „аграрной Германии“ – такого большевики не могли понять”¹³. Надо сказать, немного забегая вперед, что именно эта прокламировавшаяся нацистским движением *почвенность* послужила искушением для многих немецких интеллектуалов, включая даже мыслителей масштаба Мартина Хайдеггера.

Степуна, конечно, волновали проблемы покинутой им России, бытовые проблемы, воспоминания о прошлом, а также налаживание контактов с эмигрантскими журналами и издательствами. И первое, что его насторожило, - несоответствие его представлениям о сохраняющей разум христианства, верной своим базовым ценностям европейской культуре и тогдашней европейской реальности. Степун писал: „Вот мы изгнаны из России в ту самую Европу, о которой в последние годы так страстно мечтали, и что же? Непонят-

---

¹¹ *Treiber Hubert - Fedor Steppuhn in Heidelberg (1903-1955). Über Freundschafts- und Spätbürgertreffen in einer deutschen Kleinstadt // Treiber Hubert & Sauerland Karol (Hrsg.). Heidelberg im Schnittpunkt intellektueller Kreise. Zur Topographie der „geistigen Geselligkeit“ eines „Weltdorfes“: 1850-1950.* Opladen, Wesdeutscher Verlag GmbH. 1995. S. 98.

¹² См.: *Нольте Эрнст.* Европейская гражданская война. Национал-социализм и большевизм. М.: Логос, 2003.

¹³ *Люкс Леонид.* Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. М: Московский Философский Фонд, 2002. С. 168-169.

но, и все-таки так: - изгнанием в Европу мы оказались изгнанными и из Европы. Любя Европу, мы, „русские европейцы”, очевидно, любили её только как прекрасный пейзаж в своём „Петровом окне“; ушел родной подоконник из-под локтей - ушло очарование пейзажа”¹⁴. Цикл своих статей „Мысли о России” он печатал в парижских „Современных записках”, журнале, в котором он издал и свой роман „Николай Переслегин”. Германия, как видел он, в растерянности.

В 1924 г. он пишет статью, описывая свои впечатления от немецкой современности, сравнивая со своим студенческим прошлым. Конечно, первым показателем для него явилась жизнь университетских городков, а в них – жизнь вчерашних его преподавателей. Он посещает Хайдельберг¹⁵, про который говорит, что это не город, а баллада, вспоминает В. Виндельбанда, А. Дитриха, Г. Еллинека, то есть обучавших его профессоров, и сравнивает их тогдашнюю жизнь с тем, как теперь живут немецкие профессора: „Очень изменилась жизнь студентов, не менее изменилась и жизнь профессоров. Во все профессорские дома вошла скучная, унылая, будничная нужда. [...] Холодная передняя, холодный коридор. В холодной квартире две-три отапливаемые комнаты. Маленькая печка, сверлящая жаром в спину, но не согревающая ног. По ногам ходит стужа – дует от окон и из-под дверей. К обеду и ужину почти не приглашают. Приглашают или к чаю, или после ужина. Иногда в последнем случае добавляют „aber bitte nur halb angegessen”, - это значит, или будет холодный рис с сиропом, или вынесут бутерброды на маргарине. Все это производит очень тягостное впечатление. Пожалуй, более тяжелое, чем в России. [...] Немцы этой своей нужды стыдятся и, несмотря на экономическое убожество своего „светского” бытия, пытаются сохранить традиционное приличие. Есть нечего, но посуды, которую и подать-то некому – бездна. Лица над чашками зелены, но воротники крахмальные. Комнаты так тщательно прибраны, что кажутся холоднее той температуры, что показывает градусник”¹⁶.

---

¹⁴ Степун Ф. Мысли о России. Очерк III // Степун Ф.А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 219.

¹⁵ Он пишет: „В годы, когда я учился в Гейдельберге, вся его жизнь до самых мельчайших подробностей определялась почти исключительно университетом. Он был больше, чем университетским городом, он был городом при университете” (Два Гейдельберга // Ежедневная газета „Дни“ от 06.01. 1924 г.).

¹⁶ Там же.

Один из тех людей, с которыми Степун сразу возобновляет контакт, это знаменитый философ, хайдельбергский профессор Генрих Риккерт¹⁷, подаривший в свое время молодым школярам прекрасное название для основанного ими журнала – „Логос”. Стоит, наверно, напомнить современному читателю, что философская работа Степуна была в самом начале замечена Риккертом. В своей программной книге „Философия жизни” он писал: „Здесь делались попытки, определенно примыкающие к романтическому ходу мыслей. Характерен в этом отношении „опыт философии жизни” русского автора Федора Степуна, стоящего на точке зрения Фридриха Шлегеля. „Ценности жизни”, как „ценности состояний”, противопоставляются всем „ценностям осуществления” и тем самым всем ценностям культуры. Сама жизнь почитается больше всего, и особенно религия только и может обнаруживаться в чистом переживании”¹⁸. Переписку с ним Степун начинает в первый же год высылки, в 1922 г. Сохранилось несколько его писем Риккерт, но я останавливаюсь и публикую последнее из имеющихся в университетском архиве, письмо 1932 г. Оно и наиболее информативно, достаточно упомянуть рассказ о судьбе брата Ф.А., вернувшегося из Германии в Советскую Россию и попавшего там в тюрьму, а потом в лагерь, не говоря уж о прочих „русских печалях”. Но в этом письме Ф.А. поднимает и весьма многие вопросы тогдашней бытовой и философской немецкой жизни в предштормовую эпоху. В частности, там задолго до послевоенных разоблачений прозвучал мотив о нацистских настроениях Хайдеггера.

Что же это за предштормовое состояние, ныне почти забытое, а тогда не всеми оцененное? В своих мемуарах автор знаменитого романа „Слепящая тьма” Артур Кёстлер в главе „Закат либерализма” писал: „До 14 сентября (1930 г. – В.К.) у партии национал- социалистов было 12 мест в германском парламенте; в этот день она получила 107 мандатов. Партии центра были сокрушены, демократическая партия практически перестала существовать. Социалисты потеряли 9 мандатов. У коммунистов прирост голосов составил 40 %, у нацистов – 800 %. Конец надвигался. Развязка наступила спустя два с половиной года. [...] Через несколько дней паника улеглась [...], люди верну-

---

¹⁷ Конечно, в своей статье он не мог не упомянуть Риккерта, но упоминание о нем говорит все о той же навалившейся на Германию бедности: „Тридцать лет ездил признанный вождь научной философии Генрих Риккерт в наемной карете в университет. Теперь у него не хватает средств, чтобы нанимать карету. Министерство денег на карету не дает. И вот Риккерт в университет больше не ездит. Он теперь читает у себя на дому. Научная философия Риккерта не может оплатить кареты” (Там же).

лись к обыденным делам, уже не замечая, что страна превратилась в бомбу замедленного действия. Мы то слышали, как тикает часовой механизм, отсчитывая нам последние минуты, то забывали о нем. Ко всему привыкаешь, а этот процесс растянулся на два с половиной года”¹⁹. Конечно, привыкаешь ко всему, но некоторые начали искать контактов с нацизмом. Чуть позже Геббельс будет иронизировать, говоря об интеллектуалах, лихорадочно принявшихся вступать в партию. Геббельс, писал Альберт Шпеер, 2 ноября 1931 года „опубликовал в „Ангриф“ („Наступление“) передовицу, касавшуюся множества новых членов, вступивших в партию после сентябрьских выборов 1930 года. В своей статье он предостерегал партию против проникновения в нее буржуазных интеллектуалов, заявлял, что представителям обеспеченных и образованных слоев общества нельзя доверять так же, как „старым борцам“, ибо по своему характеру и принципам они стоят неизмеримо ниже добрых старых партийных товарищей. Правда, Геббельс учитывал интеллектуальный потенциал новообращенных: „Они полагают, что лишь болтовня демагогов привела движение к величию, и теперь готовы присвоить и возглавить его. Вот что они думают!“²⁰.

Степун в начале тридцатых уже вполне серьезно относится к нацистам, более того, публикует в „Современных записках” и „Новом граде” ряд статей, посвященных этой проблеме. Почвенническая составляющая нацизма для него достаточно очевидна: „Своеобразное национал-народничество немецкого младодвиженства было одною из наиболее духовных и благородных сил, способствовавших победе вульгарного национал-социализма”²¹. В этой же статье 1931 г. Степун так оценивал выборы 14 сентября: „Без учета того факта, что национал-социалисты шли в бой с твердою верою в непоколебимую верность своей идеи, с „лютой“ (grimmig) решимостью во что бы то ни стало победить и с повышенным чувством мессианских задач грядущего немецкого государства, их головокружительный успех необъясним”²². Победа нового движения уже близится. И здесь каждый выбирал свою позицию. Когда Карл Ясперс написал свою книгу „Вопрос о виновности”, он там говорил о виновности тех, кто жил в Германии во время нацизма, но не желал знать о

---

¹⁸ Риккерт Генрих. Философия жизни. Киев: Ника-Центр 1998. С. 297.

¹⁹ Кёстлер Артур. Автобиография // Иностранная литература. 2002. № 7. С. 207.

²⁰ Шпеер Альберт. Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. С. 38.

²¹ Степун Ф. Письма из Германии (Национал-социалисты) // Степун Ф.А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 897.

²² Там же. С. 886.

его преступлениях. Для Степуна противостояние нацизму интеллектуала определялось двумя понятиями: вера в Бога и верность подлинной философии. И тут поразительным образом он берет в союзники Хайдеггера, как противника режима – не политического, но сущностного, какими были высланные большевиками русские философы.

И это при том, что в это как раз время эмигрантская русская философия практически на корню отвергала Хайдеггера, не находя в его творчестве ничего философского. Сошлюсь на статью Н.С. Плотникова, который приводит много уничижительных высказываний русских философов о Хайдеггере, в частности Н. Лосского, со своим комментарием:

„„Страх, подавленность социальной обыденностью (безликим *das Man*), деградация индивидуальности, затерянность в мире, покинутость и, наконец, тоскливый ужас, особенно перед лицом смерти — вот основное содержание жизни человека, по Гейдеггеру. Он почти не выходит за пределы кругозора немецкой хозяйки (*Frau Sorge*), скупаемой заботами о повседневных мелочах жизни. Высшую онтологическую основу и смысл заботы, а, следовательно, и человеческого *Dasein* он находит в таком элементе бытия как время. Отсюда понятно, что выйти из обезличенной потерянности, найти себя человек может, по Гейдеггеру, только путём осознания своего бытия как „бытия для смерти“ и путём решимости примирения со смертью. И в самом деле, то жалкое человеческое бытие, которое описывает Гейдеггер, по самому существу своему, слава Богу, обречено смерти. Но кроме этой смертной стороны в глубине человеческого духа *нетрудно* найти способности и цели, абсолютно ценные, дающие основание философу взойти путём умозрения к началам сверх-человеческим и в конечном итоге к Абсолютному как творческой основе мира. *Только отсюда сверху* можно понять смысл бытия и строение его; только исходя из Абсолютного можно дать ответ на вопрос о необходимой множественности мирового бытия (*in-der-Welt-Sein* человека), о положительных сторонах времени, о многообразии путей жизни, о драматизме её, о телесной смерти человека и, несмотря на неё, сохранении абсолютных ценностей и т. п.“. В такой свободной от всякого сомнения натужно оптимистической гносеологии растворяется возможность не только позитивного обсуждения вопросов, поставленных Хайдеггером, но вообще критического философствования, рефлектирующего о собственных предпосылках. В этой „интерпретации“ Лосского негативное отношение большинства русских мысли-

телей к „фундаментальной онтологии“ выражено в предельной форме, граничащей с абсурдом”²³.

Для Степуна в это же время имя Хайдеггера оказывается своего рода символом подлинной философии, противостоящей нацизму. В уже цитированной статье 1931 г. он пишет: „В книге Гитлера есть характерная фраза: „юноша, занимающийся сейчас философией – не немецкий юноша“! Верно как раз обратное: лучшие немецкие юноши занимаются сейчас философией и богословием, Гейдеккером (Хайдеггером. – В.К.) и Бартом. Духовный уровень Гитлера и всего созданного им движения не по-немецки низок и убог. Существует преданье, что, когда древние германцы крестились, они высовывали из реки руку, в кулаке которой был зажат меч, дабы эта рука осталась не крещенной. Не подлежит никакому сомнению, что мирозерцание Гитлера родилось не в немецкой голове, а в некрещенном германском кулаке”²⁴.

Разумеется, он и подозревать еще не мог о будущей ректорской речи великого философа „Самоутверждение немецкого университета”, в которой Хайдеггер, замечая о „неподлинности” существовавших ранее академических свобод, потребует от студенчества „готовности отдать все свои силы без остатка, готовность же обеспечена знанием и умением и укреплена дисциплиной. Впредь такая связь будет обнимать и проникать собою все существование студента в виде *воинской повинности*”²⁵. Тем более не мог он предвидеть и его вступление в нацистскую партию, о чем пишет Н.В. Мотрошилова: „Вновь избранный ректор должен выполнить важнейший пункт предвыборного соглашения с фашистами. 1 мая 1933 года, во вновь учрежденный Праздник труда, Мартин Хайдеггер торжественно вступает в члены национал-социалистической партии – партии Адольфа Гитлера. Получив поздравление от профессора Ферле из министерства культуры в Карлсруэ, Хайдеггер отвечает: „Я сердечно благодарю Вас за поздравление по случаю моего вступления в партию. Мы должны теперь все направить на то, чтобы завоевать мир образованных и ученых людей для нового национально-политического

---

²³ Плотников Н.С. С.Л. Франк о М. Хайдеггере. К истории восприятия Хайдеггера в русской мысли // Вопросы философии. 1995. № 9. С. 171.

²⁴ Степун Ф. Письма из Германии (Национал-социалисты). С. 900.

²⁵ Хайдеггер Мартин. Самоутверждение немецкого университета // Хайдеггер Мартин. Работы и размышления разных лет / Пер. с нем., составл., вступ. статья, примеч. А.В. Михайлова. М.: Гнозис, 1993. С. 227.

духа. Этот боевой путь не будет легким. Зиг хайль. Мартин Хайдеггер“. Письмо помечено 9 мая 1933 года”²⁶.

Интересно, однако, что и обвинители Хайдеггера, и его защитники²⁷ основное внимание уделяют 1933-34 гг. Между тем, очевидно, что такого рода выбор вряд ли был фактом мгновенного ослепления, очевидно, что Хайдеггер, как и многие другие интеллектуалы, над которыми иронизировал Геббельс, к нему шел. И в этом смысле удивление нацистскому колориту его дрезденского доклада в письме Степуна 1932 г., еще год назад готового взять Хайдеггера в союзники, весьма интересно. Любопытно описан и доклад, и возражения теолога Фр. Делеката, и растерянность, и бегство Хайдеггера с начавшегося диспута, что говорит об известной нетвердости позиции. Тема Бога весьма волновала Хайдеггера, но до самой смерти он так и не решил для себя эту проблему. Противостоя технической цивилизации, в которой он видел одну из причин тоталитаризма, Хайдеггер противопоставлял ей открытость „почвенной истине“, но указывал на „нетость Бога“. Как пишет исследователь: „Даже в интервью, данному журналу „Шпигель“ в 1966 г., в словах „Nur ein Gott kann uns retten“ остаётся характерная для Хайдеггера неясность относительно Бога, выраженная неопределённым артиклем”²⁸.

Чувствительность, чуткость и зоркость русского философа-эмигранта, оказавшегося способным услышать те ноты, которые, быть может, не были вняты еще самому Хайдеггеру, но весьма ясны для русского, пережившего уже одну тоталитарную (русскую) революцию и всматривавшегося в черты новой, уже германской, заслуживают, на мой взгляд, внимания. Вот почему я

---

²⁶ Мотрошилова Н.В. Драма жизни, идей и грехопадения Мартина Хайдеггера // Мотрошилова Н.В. Работы разных лет: избранные статьи и эссе. М.: Феноменология-Герменевтика, 2005. С. 459.

²⁷ См., например, текст Ал. В. Михайлова: „В 1933-1934 гг. Хайдеггер в течение десяти месяцев был ректором Фрейбургского университета; от этого времени остался его доклад *Самоутверждение немецкого университета*, в котором Хайдеггер в самом начале гитлеровского времени сделал почти отчаянную попытку повернуть немецкую науку (и даже культуру) к бытийным основаниям мысли. Он попытался наложить печать смысла на происходящее и, следовательно, изменить его *силой мысли* в роковой час истории. Поскольку Хайдеггер как ректор вынужден был идти на уступки властям, сложилась легенда о близости Хайдеггера национал-социализму. Хотя Хайдеггер открыто говорил о *самоутверждении* университета, хотя вскоре он вынужден был уйти с поста ректора и подвергся нападкам в официозных органах печати, легенда оказалась стойкой” (Михайлов А.В. Вместо введения // *Хайдеггер Мартин*. Работы и размышления разных лет. С. XXXI.).

²⁸ Плотников Н.С. С.Л. Франк о М. Хайдеггере. К истории восприятия Хайдеггера в русской мысли. С. 178.

осмеливаюсь предложить эту публикацию любознательности философски ориентированного читателя.

* * *

В заключение я хотел бы выразить признательность немецкому фонду „Magion-Dönhoff-Stiftung” за финансовую поддержку моего пребывания в архивах Германии, г-ну Карлу-Хайнцу Корну, г-же Дагмар Херрманн (Кёльнский университет), а также директору Института славистики Хайдельбергского университета профессору Урсу Хефтриху (Urs Heftrich) за предоставленную возможность работать в библиотеке и архиве университета.